

4. Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.09.2020).
5. Андреев С. М. Сибирское казачье войско: возникновение, становление, развитие (1808–1917 гг.): монография. Омск: Омск. акад. МВД России, 2006. 259 с.
6. Абдиров М. Ж. История казачества Казахстана. Алматы, 1994. 160 с.
7. Угренинов С. А. Казачьи сотни и казахские отряды: рука об руку. Костанай: ТОО «Костанайский печатный двор», 2007. 250 с.
8. Троцук И. В., Парамонова А. Д. Приоритеты и стереотипы российской молодежи в сфере брачности (на примере национально-смешанных семей) // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2015. Т. 15. № 3. С. 45–62.
9. Назимова Л. Р. Смешанные этнические идентичности в мультикультурном обществе // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 153, кн. 5. 2011. С. 166–175.
10. Абрамова М. А., Гончарова Г. С., Костюк В. Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с.
11. Жигунова М. А. Концепт «сибиряк»: современные трактовки, подходы и образы // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования / сост. и отв. ред. М. Н. Губогло. Москва: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 351–368.
12. Демешкина Т. А. Славянский компонент в самоидентификации жителя Сибири // Русин. 2015. № 3 (41). С. 90–107.
13. Федоров Р. Ю. Чалдоны и самоходы: мифы идентичности и этнографическая реальность // Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 102–115.
14. Карих Е. В. Межэтнические отношения в Западной Сибири в процессе ее хозяйственного освоения. XIX – начало XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 232 с.
15. Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 35–45.
16. Жигунова М. А. Сибирский опыт взаимодействия ислама и православия // Психолого-педагогические исследования в Сибири. 2018. № 1. С. 118–122.
17. Zhigunova M. Islam and orthodoxy in Siberia and Kazakhstan at the beginning of the 21st century // Shamanhood and Mythology: Archaic Techniques of Ecstasy and Current Techniques of Research. In Honour of Mihály Hoppál, celebrating his 75th Birthday. Budapest: Hungarian Society for Religious Studies, 2017. P. 481–490.

УДК 304, 314

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-34-36

А. В. Исаченко*Карасукский краеведческий музей Новосибирской области, г. Карасук, Российская Федерация***Влияние переселенческого движения на формирование церковных приходов южной территории Каинского уезда в начале XX в.**

Аннотация. Статья анализирует влияние процессов переселенческого движения на формирование православных церковных приходов южной территории Каинского уезда Томской губернии в начале XX в. **Ключевые слова:** переселенцы, волости Каинского уезда, приходы Омской епархии.

Переселенческое движение на рубеже XIX–XX вв. значительно повлияло на увеличение численности населения Томской губернии. По сведениям заведующего переселенческим делом в Томском районе на 1907 г., «за последние 12–13 лет в Томской губернии переселенческой организацией образовано свыше тысячи земельных участков, на которых уже поселилось 250 тысяч душ обоого пола и ожидается к водворению еще до 200 тысяч» [1, л. 24–25 об.].

Большинство переселенцев были выходцами европейских губерний Российской империи, которые имели сложившийся жизненный уклад и духовно-нравственные традиции. Помимо устройства быта, постепенно возникала необходимость в устройстве духовно-религиозной жизни прибывшего населения. Многие из образованных поселков располагались среди старожильческих селений, на более или менее близком расстоянии от них, вследствие чего новоселы имели возможность войти в состав существующих церковных приходов и удовлетворять свои духовно-религиозные нужды в ближай-

ших церквях. Но наряду с такими поселками очень много новых поселений образовалось совершенно в стороне от заселенной полосы. К такой категории новых поселений относилась южная часть Каинского уезда, где началось заселение обширного степного пространства Юдинской и Купинской волостей (в границах современных Чистоозерного, Купинского, Баганского и части Карасукского районов Новосибирской области). Только в 1907 г. на этой территории были образованы 64 переселенческих участка, на которых поселилось 2514 душ обоого пола и ожидалось к водворению на следующий год 8393 души [1, л. 24–25 об.].

Жители этих поселений из-за их отдаленности не имели возможности посещать церковь, исполнять христианский долг и были лишены общения с церковнослужителями. Данная часть Каинского уезда Томской губернии с 1895 г. входила в состав Омской епархии. В письме заведующего переселенческим делом в Томском районе на имя Его Преосвященства епископа Омского и Семипалатинского Гаврии-

ла от 31 октября 1907 г. отмечалось, что такое положение крайне угнетает переселенцев, отражаясь на их моральном состоянии, особенно подрастающего поколения. Предлагалось рассмотреть возможность назначения разъездных священников для новоселов Юдинской и Купинской волостей, а также сооружения походных церквей впредь до постройки храмов и назначения постоянных причтов [1, л. 24–25 об.].

В октябре 1900 г. церкви Барнаульского и Каинского уездов, состоящие в Омской епархии, были выделены в особое самостоятельное благочиние и вверены священнику Казаткульской церкви Каинского уезда Иоанну Орлову [2, с. 422]. Всего на территории благочиния располагалось 6 действующих и 5 строящихся церквей. Из них в Каинском уезде церкви находились в селах Юдинском, Казаткульском, Кошкульском, при станции Татарской, а также строящаяся в пос. Моховом (Купино). Южная территория уезда включала Юдинскую и позже выделенную Купинскую волость и входила в состав приходов церквей Юдинской, Чумашевской и Благодатской.

Массовое переселенческое движение способствовало расширению церковно-приходского строительства в этой местности. Рассмотрением вопросов устройства духовно-религиозного быта занималась Омская духовная консистория во главе с правящим архиереем. В структуре Омского епархиального управления был образован Комитет по удовлетворению религиозных нужд переселенцев под председательством архиерея, в его состав входили руководители губернской власти, заведующий переселенческим районом, а также губернские инженеры [3, с. 907]. На заседании комитета 7 октября 1913 г. были рассмотрены ходатайства об открытии новых самостоятельных приходов. Планировались к открытию приходы в поселках Метелевском, Павловском и Рождественском, а также в дер. Опалиха Купинской волости, поселках Ново-Покровском (уч. Репенский) и Орловском Юдинской волости, а также в пос. Троицком Андреевской волости Каинского уезда [3, с. 1076]. В состав этих приходов предполагалось включить ближайшие переселенческие поселки, образованные в предыдущие годы на данной территории.

Определением Святейшего Синода от 31 октября 1913 г. был открыт приход в с. Нижне-Баганском Купинской волости [3, с. 1069]. Указом Святейшего Синода от 31 мая 1914 г. открыт самостоятельный приход при молитвенном доме пос. Метелевского Каинского уезда [4, с. 3]. В новообразованные и формируемые приходы назначались причты, состоящие, как правило, из священника и псаломщика. По сведениям на 1914 г. в части Каинского уезда, входившей в состав Омской епархии, было 19 церквей и молитвенных домов, из них 11 — на территории Юдин-

ской, Купинской и Андреевской (выделена из Купинской) волостей [3, с. 496–521, 1069]. Увеличение количества приходов способствовало реорганизации благочиния Каинских и Барнаульских церквей [5, с. 4].

Бедность переселенцев, начавшаяся Первая мировая война заметно повлияли на динамику церковно-приходского строительства. Формируемые приходы в основном ограничивались постройкой молитвенных домов либо небольших храмов.

Несмотря на трудную социально-экономическую ситуацию, возглавивший Омскую епархию в 1915 г. епископ Сильвестр уделял достаточно много внимания вопросам духовных нужд населения. В 1915–1916 гг. Омская духовная консистория продолжила рассмотрение вопросов открытия приходов и строительства церковных зданий на территории Каинского уезда. Был организован приход пос. Троицкого Андреевской волости (ныне территория Карасукского района), в который с июня 1914 г. назначен священник Иоанн Широких [6, с. 4]. В новообразованный приход согласно приговорам сходов пожелали войти жители поселков Поповский, Астрдымский Каинского уезда и Ново-Покровский Барнаульского уезда [7, л. 538–538 об.]. Также в 1915 г. епархиальное начальство удовлетворило просьбу жителей деревни Рассказовой Барнаульского уезда перечислить их для удобства сообщения к Троицкому приходу из прихода с. Благодатского [7, л. 521–521 об.]. 19 октября 1915 г. последовала резолюция Преосвященного епископа Сильвестра, в которой разрешалось «устроить в пос. Троицком храм для совершения в нем не только треб, но и Божественной литургии» [7, л. 532–532 об.]. Согласно клировой ведомости, деревянная однопрестольная Свято-Троицкая церковь была построена в 1916 г. [8, л. 39–41 об.].

В целом количество самостоятельных церковных приходов на территории южных волостей Каинского уезда по сравнению с 1900 г. увеличилось в 3–4 раза. Часть переселенческих поселков приобрели свои церкви, другие вошли в состав ближайших сформированных приходов. Дальнейший процесс церковно-приходского строительства был прерван революционными событиями 1917 г. и начавшейся вследствие этого гражданской войной.

A. V. Isachenko

The influence of the resettlement movement on the formation of church parishes in the southern territory of the Kainsky district at the beginning of the XX century

Annotation. The article analyzes the influence of the processes of the resettlement movement on the formation of Orthodox church parishes in the southern territory of the Kainsky district of the Tomsk province at the beginning of the XX century. **Keywords:** *immigrants, territory of the Kainsky district, the parishes of the diocese of Omsk.*

Источники и литература

1. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 16. Оп. 1. Д. 122.
2. Скальский К. Омская епархия (опыт географическо-

го и историко-статистического описания городов, сел, станиц и поселков, входящих в состав Омской епархии). Омск, 1900. 427 с.

3. Голошубин И. Справочная книга Омской епархии. Омск, 1914. 1245 с.
4. Омские Епархиальные Ведомости. 1914. № 14.
5. Омские Епархиальные Ведомости. 1914. № 21.
6. Омские Епархиальные Ведомости. 1914. № 13.
7. ИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 159.
8. ИАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 167.

УДК 93/94(093)

DOI 10.37386/2687-0592-2020-10-36-46

А. В. Контев

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Российская Федерация

Места обитания аборигенного населения Кузнецкого уезда в XVIII в. по картографическим источникам¹

Аннотация. В статье на основе анализа старинных карт с привлечением широкого круга письменных источников сделана попытка провести пространственную реконструкцию расположения мест обитания аборигенных тюркских народов в Верхнем Приобье. Автором прослежено изменение сведений о ясачных волостях Кузнецкого уезда на протяжении 1710–1760-х гг. Изучение карт показывает, что на протяжении XVIII в. сведения о местах проживания тюркских народов становятся все более фрагментарными, а к 1770-м гг. практически исчезают. Несмотря на разрозненность сведений, наличие искажений в названиях и неточности в локализации объектов, нам удалось на современной топооснове определить места обитания более 50 этнических группы, а также воспроизвести границы ясачных волостей на середину столетия. **Ключевые слова:** историческая этнография, ясачные волости, картографические источники, алтайцы, Кузнецкий уезд.

Постановка проблемы

Проблема четкой локализации районов обитания местных тюркоязычных народов Томь-Иртышья интересовала многих этнографов и историков. Для XVII столетия эта работа проведена достаточно детально как с привлечением материалов ясачных книг [1], так и на основе изучения картографического наследия Семена Ремезова [2; 3]. Созданные в результате этих кропотливых исследований карты наглядно отражают пространственное размещение как в целом этнических групп, так и отдельных «улусов» и «юрт».

Изучая этнополитические процессы в регионе в XVIII в., исследователи не могли обойти стороной данный вопрос и с разной степенью подробности описывали локализацию обитания местных народов. Крупнейший знаток истории алтайских этносов Леонид Павлович Потапов определял расположение отдельных тюркоязычных групп на основе материалов Г. Ф. Миллера (1734), П. Шелегина (1745), капитана С. Плаутина (1745), кузнецкого воеводы Шапочникова и других архивных документов [4; 5]. Отметим, однако, что автор в основном приводил архивные данные в пересказе и не предпринимал попыток обобщить их на картографической основе.

Одним из немногих современных исследователей, который детально изучает расположение алтайских народов в XVIII в., является горно-алтайский ученый Николай Васильевич Екеев [6; 7]. В ряде своих работ он анализирует те же документы, что и Л. Потапов, дополняя их новыми архивными и этнографическими данными. Публикации этого ав-

тора отличает рассмотрение вопросов в строго хронологическом плане – буквально по десятилетиям, что позволяет проследить динамику изменений в этнической структуре населения Кузнецкого уезда. Томский историк Людмила Ивановна Шерстова изучает вопросы расположения и взаимодействия алтайских тюрков в контексте общих процессов XVII – начала XX в., в большей степени уделяя внимание XIX столетию. Именно для этого периода автором составлены карты расположения народов, опубликованные в диссертации Л. И. Шерстовой [8, приложения]. Для XVII – первой половины XVIII в. исследователь выделяет четыре этнокультурные общности: абинско-кумандинскую, телеуто-теленгитскую, теленгито-урянхайскую и саяно-теленгитскую [9; 10]. Исследователи этнополитических процессов в Северной и Центральной Азии В. А. Моисеев [11; 12], Н. С. Модоров [13], О. В. Боронин [14; 15], освещая историю противоборства Джунгарии и России из-за алтайских двоedanцев, неизбежно касались вопросов расположения тех или иных народов и позиций сторон относительно их принадлежности. Особую значимость имеют публикации этих авторов в связи с тем, что в них приводятся сведения из Архива внешней политики Российской империи [16]. Пожалуй, именами перечисленных исследователей ограничивается круг авторов, которые уделяли специальное внимание вопросам размещения аборигенных народов Кузнецкого уезда в XVIII веке². При этом практически никто из исследователей не использует обширные картографические материалы, которые не только позволяют визуализировать обширные сведения по этнической истории региона,

¹ Материалы подготовлены по результатам научного проекта, поддержанного РГНФ № 15-01-16070 «Формирование российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг.».

² Имеются отдельные исследования и общие атласы Сибири, которые мы не рассматриваем здесь ввиду их обзорного характера [17].